

К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ

Аксаковы

27 января 1886 года умер Иван Сергеевич Аксаков.

Увы! взят от нас еще один в роде своем последний, незаменимый деятель и боец. Многие явятся идти по следам его и продолжать его дело, но войдут ли они в силу, и когда войдут, и успеют ли приобрести себе подвигом целой жизни имя, подобное его имени? Подобных ему не осталось, потому что он стоял и действовал, так сказать, *на костях* целого поколения, от коего он, и один он, принял всю годами накопленную силу.

Сергей Аксаков, Константин Аксаков, Киреевский, Хомяков, Чижов, Юрий Самарин — для него все это были живые люди, посреди коих он вырос и воспитался, от коих принял завет живого слова и жизни, верной слову и завету.

Их называли *славянофилами* и соединяли имя их с понятием о школе и учении особого рода, и с политической бранью, которая донныне продолжается, истощая силы борцов в пререканиях казуистики, свойственной всякому учению школы. Но кто хочет понять, чего стоили и что значили эти люди, тому надобно отрешиться от узкого понятия о школе, стать повыше, на широту, и взглянуть поглубже.

Это были честные и чистые русские люди, родные сыны земли своей, богатые русским умом, чуткие чутьем русского сердца, любящего народ свой и землю, и алчущего и жаждущего *правды и прямого дела* для земли своей. Они были высокообразованны, но близкое знакомство с наукой и культурой Запада не отрешило их от родимой почвы, из которой почерпает духовную силу земли всякий истинный подвижник земли Русской. Перегорев в горниле западной культуры, они остались плотью от плоти, костью от кости русского своего отечества, и правду, которую так пламенно желали осуществить в нем, искали не в отвлеченных теориях и принципах, но в соответствии вечных

начал правды Божией с основными условиями природы русско-го человека, отразившимися в историческом его быте.

Они начали с того же, с чего начинается каждый искренний искатель истины, — с *протеста* против ложного отношения к русской жизни и ее потребностям, господствовавшего в сознании так называемого образованного общества, против презрительного предрассудка, самодовольного невежества и равнодушия ко всему, что касалось до самых живых интересов России. В 30-х годах — в эпоху появления бессмертной комедии Грибоедова — довольно уже накопилось в умах серьезных и в сердцах у простых людей полусознательного негодования против уродливых отражений внешней западной культуры — в жизни и обычаях, во взглядах и мнениях русского общества, в официальном строе управления, в направлении законодательства. Свежа была еще память о том цинизме, с коим относились юные реформаторы России к живому ее организму, к ее истории и к быту народному, в начале царствования Александра, о презрительном отношении высшего петербургского круга к родной Церкви, о рабском поклонении мнимому величию римско-католического культа, мнимому достоинству форм быта, выросших из чуждой нам истории; а недавние события 1825 года показали, до какого самообольщения могут дойти самые передовые умы в русских людях, горячо преданных благу России, под влиянием ложной веры в ложное начало искусственной и чуждой нам цивилизации. С другой стороны, внимательный наблюдатель современных событий мог видеть, как само правительство, в царствование бесспорно русского по душе Николая I, грозное, и в полном сознании своей силы, бессознательно поступалось русскими интересами во внешней и во внутренней политике, оттого что *не знало* своего прошедшего (вспомним, как в правление Паскевича население Холмской Руси безразлично смешиваемо было с польским населением, бессознательно предоставлялось ополячиванию и окатоличению).

И вот великая заслуга московского аксаковского кружка истинно русских людей: от них в первый раз явственно и разумно услышало наше сбитое с толку общество проповедь мудрости в великом слове: «*познай самого себя*, углубись в прошедшие судьбы страны своей и своего народа, и узнаешь свой дух в его духе и свою силу почерпнешь из него». Слово это было необходимо ввиду надвигавшейся с Запада тучи *космополитизма* и *либерализма*: представителем его являлся в той же Москве другой кружок западников, кружок, из коего вышел и от коего отделился впоследствии *Герцен*. То было критическое время, ког-

да прививались передовым умам России навеянные с Запада идеи, разъедавшие органическое чувство любви к *родному* краю, чувство патриотизма, — во имя отвлеченных либеральных начал. То было время, когда Арнольд Руге¹ в Германии проповедовал, что следует полагать основною целью совсем не отечество, как-де говорили в 1813 и 1815 году, а свободу, и что истинное отечество для ищущих свободы людей есть *партия*. В отпор этому фальшивому и тлетворному направлению аксаковский кружок воздвигал свою крепость здорового русского патриотического чувства и разумного познания земли Русской — крепость, к которой стали примыкать все мыслящие люди, сохранявшие в себе здравый инстинкт русской природы.

Нечего останавливаться на увлечениях этой веры и этого учения, увлечениях, свойственных всякой вере и всякому учению. То были люди, искавшие в прошедшем своей родины *идеал* для настоящего устройства и для будущих судеб ее. Немудрено, что, исследуя и разъясня отдельные черты этого идеала, они нередко обманывались, увлекались в своих обобщениях, принимали мнимое за действительное, смешивали существенное с несущественным; но в существе своем высоко нравственный их идеал есть и будет истинным народным идеалом земли русской.

К этой же основной мысли присоединялся другой *протест* — против формального, канцелярского, высокомерного отношения официального мира — к живым потребностям и к духовным расположениям народа. Официальный мир чиновничества заражен был и проникнут канцелярскою привычкою делать и решать все посредством мертвой бумаги, отписки и очистки, и этот обычай, простираясь на все сферы управления и суда, скрывал под собою массу несправедливостей, злоупотреблений и насилий над народной жизнью и бытом. С другой стороны, в верхних кругах управления господствовало, при полном неведении страны и ее потребностей, стремление устанавливать легким путем регламентации, носившей на себе следы того же канцеляризма, порядки и правила всевозможных отправлений народной и общественной жизни; причем принимались во внимание готовые формулы, взятые из чужеземных обычаев и законов: такие приемы носили громкое название *цивилизации*. Против цивилизации такого рода ратовал всеми силами аксаковский кружок и в живой беседе и в литературе: борьба эта продолжается и донныне. Поверхностные умы объясняли и объясняют ее национальным предрассудком и узким чувством ненависти будто бы к немцам; но разумные патриоты, принимаю-

щие к сердцу истинное благо отечества, понимают и чувствуют, что кружок ратовал за правду и заслуга его в этом отношении несомненная.

Наконец, еще великое значение и великая заслуга этих людей состоит в том, что они первые сознательно выяснили перед всеми нераздельную связь русской народности с верой и с Православной Церковью. В обществе до них это понятие было смутно и шатко. Они почувляли сердцем и дознали живым опытом в истории Руси и в быте народном, что в народе (которому интеллигенция склонна присваивать значение лишь грубой невежественной массы, подлежащей оживлению свыше), — в народе хранится запас духовной силы и глубокой веры, из коего сами учителя и просветители народа должны почерпать свою силу и одушевление; что у этого темного народа связь с Церковью живая и действенная и что на этой связи стоит и будет стоять вся наша история. Учение о Церкви и о вере давно и вполне было установлено отцами и учителями Церкви; но для общества представлялось оно схематизмом догм и правил, предметом изучения более, нежели живого ощущения. Передовые люди аксаковского кружка, люди глубоко верующие, со всей горячностью любви преданные родной Церкви и вместе с тем высокопросвещенные наукой, они первые помогли обществу *осмыслить* и несравненное достоинство Православной Церкви, и жизненное значение ее для народа, и самую любовь к ней, которую вынес народ из всей своей истории.

Вот, в коротких словах, почему имена этих людей так любезны в России и так ей дороги: им место знаменитое в истории истинного русского просвещения. Притом нецененное достоинство их и великая нравственная сила состоит в том, что они были люди *цельные*, не раздвоенные — качество, коим не отличались при всей честности намерений своих люди, принадлежащие к кружку западников и тоже искавшие по-своему истины, к сожалению, «на непроходных, а не на пути». Люди аксаковского кружка сильны были тем, что у них слово не расходилось с делом, и жизнь их согласовалась с теми началами, в которые они веровали. Они жили просто, — все стояли вне официального мира и официальных почестей, и не заискивали официальной поддержки, желая сохранить духовную независимость в обществе, к которому принадлежали, — они оберегали тщательно скромную обстановку своего быта и простоту своих потребностей; свободно обращаясь в кругу образованного общества, ценившего в них ум, образование, чистоту и возвышенность мысли, они столь же свободно и просто относились к людям са-

мого простого звания и быта. Храня неизменно веру в истинные начала русской жизни и русской истории, они не поступались никому ничем, в чем полагали правду русской жизни и русской истории. Люди эти были в известном смысле подвижниками великой идеи, и это в соединении с несомнительною чистотою их намерений и образа жизни придавало им великую нравственную силу.

И все-то они миновали, все скончались, «не приявше обетования», в виду обетованной земли, которую издали видели и проповедовали. Один оставался, один преемник силы, наследник предания, хранитель завета предков, Иван Сергеевич Аксаков. И его-то, последнего, мы потеряли и оплакали. Вскормленный такой семьей, приняв из такого круга первые юношеские впечатления, Иван Сергеевич попал прямо отсюда в Петербург, в стены училища правоведения, в рамки школьных порядков, на торную дорогу служебной карьеры — и все время, пока он был тут, чувствовал себя неловко, точно на чужбине. Но и здесь, посреди товарищей, явился он горячим поборником самостоятельности — в характере, в деятельности, в науке, в литературе, которая с детства манила его к себе вкусом, приобретенным из семейных преданий.

Тотчас после выпуска он переехал в Москву, и уже не возвращался никогда на жительство и на деятельность в северную столицу. Москва осталась для него на всю жизнь домом и центром его деятельности служебной, потом литературной, общественной и политической. Мысль его зрела и направление утверждалось посреди великих событий, коих он был живым свидетелем и участником. Мало-помалу схоронил он всех старших и остался один из своих, в Москве.

Пусть перечисляют другие все многообразные занятия и все литературные труды его. Всего драгоценнее была та нравственная сила, которая соединялась с его именем и действовала и на ближних и на дальних, во всех концах России и даже за ее пределами. Эта неисчислимая и не всегда сознаваемая сила тем и драгоценна, что помогает множеству людей малосильных держаться на ногах, возбуждая их, ободряя их, собирая их к одной мысли и к одному стремлению. Такую силу слабо сознают и чувствуют, пока она действует, но когда она исчезла, тогда становится явственно для каждого, что она значила. Для многих лиц официального мира Иван Аксаков представлялся лишь отвлеченною величиною в качестве издателя «Руси», иные с ужасом говорили об нем как о народном трибуне, опасном для государства, или с любопытством заглядывали на него как на

московскую диковину. Но для Москвы, и для великого множества простых русских людей, не знающих, куда деваться и на чем остановиться, посреди хаоса современных явлений, течений и веяний общественной и политической жизни, Иван Аксаков был живое лицо, на коем отдыхало взволнованное чувство, успокаивалась смятенная мысль, ощущалась нравственная опора, оживлялась надежда на лучшее, отражалось сияние русской правды во тьме вавилонского разноязычия. Всякий чувствовал, подходя к нему, что в нем нет лести и своекорыстия, что он ни тепл, ни холоден, а *горит* огнем любви и негодования — для истинных интересов Русской земли и всего языка славянского. Русский галичанин и серб, и болгарин несли к нему свои печали о бедах и нуждах своего края, и простые русские люди шли исповедовать ему заботу о положении дел на Руси и ревность свою о правде. Теперь идти пока не к кому, и многие чувствуют себя осиротевшими.

Добрые, крепкие сеятели сошли с поля; семя, ими посеянное, даст вовремя новые всходы. Явятся, без сомнения, новые подвижники правды, для будущих поколений. Но в настоящем поколении грустное чувство объемлет душу москвича, когда он въезжает в родной свой город, в древний Сион свой, и между священными памятниками истории видит повсюду обширное кладбище — всюду следы людей, богатевших духовною силой, и так мало следов живой силы, вновь расцветающей. Приходится все вспоминать дорогое имена с молитвою. «Мать наша Сион, — скажет человек, — вот такой-то и такой-то родился в нем. Боже, помяни их во царствии Твоем».

